
Ольга Симонова

СТЫД И БЕДНОСТЬ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Рассматриваются социально-психологические функции стыда, влияющие на поведение людей, живущих в бедности. Акцент делается на теории Томаса Шеффа, в которой основываясь на представлениях о психодинамике и социальном конструировании стыда в различных сферах общественной жизни обозначены перспективы развития социальной политики в отношении бедности. Наряду с материальными показателями бедности важны и психосоциальные индикаторы, поскольку ценности современного общества формируют убеждение, согласно которому человек несет бремя ответственности и вину за свое положение, что ведет к хроническому чувству стыда. В качестве последствий переживания стыда могут выступать различные виды социальной эксклюзии и изоляции, а также ослабление социальных связей и сплоченности. Эмоциональным режимом бедности является повседневный стыд в разных формах, который поддерживается в публичных дискурсах, в том числе и в социальной политике. Автор стремится показать, что необходимо противодействие такого рода дискурсам, чтобы ослабить негативные последствия стыда и создать конструктивные социально-политические программы по борьбе с бедностью.

Ключевые слова: бедность, концепции стыда, ресентимент, социальная политика, конструирование, эксклюзия/инклюдия, сплоченность

В современной социологии исследования бедности уже не сводятся к фиксации социально-экономического статуса и описанию возможных

Ольга Александровна Симонова – к.с.н., доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия. Электронная почта: osimonova@hse.ru

действий групп и индивидов, которые являются следствием их положения в общественной структуре. Бедность рассматривается в пространстве многомерной модели, в которой учитываются и культурные, и социально-психологические переменные. Исследования демонстрируют, что у бедных формируется потребность избегать и/или скрывать чувство стыда, которое порождается состоянием депривации (см. Jo 2013). Эта тема актуальна и для современной России: «... в российском обществе в последние годы – три четверти бедных, которые сами считают себя таковыми, говорят о том, что им приходилось испытывать чувства неловкости и стыда из-за своей бедности» (Бедность и неравенства... 2013: 14–15). Каковы причины и следствия чувства стыда? Может ли такой эмоциональный опыт существенным образом влиять на социальные отношения и самоопределение людей, живущих в бедности? Каким образом обществом конструируется и тем самым вызывается и/или поддерживается чувство стыда у бедных и как это отражается на проводимой социальной политике? Таковы ключевые исследовательские вопросы этой статьи, в которой мы покажем, как чувство стыда исследовалось в социологии, уникальные характеристики стыда, его роль в социальных отношениях и социальной структуре.

Рассмотрим чувство стыда в контексте бедности. Мы исходим из того, что стыд имеет социальные причины и может усиливать социальное расслоение и формировать условия для «самовоспроизводства бедных слоев» (Бедность и неравенства... 2013: 162). Современные общества характеризуются нарастанием конкуренции и акцентированием ценности финансового успеха, что ведет к пониманию вертикальной социальной мобильности и стратификации как закономерному отбору самых работоспособных и талантливых. Здесь чувство стыда выходит на первый план, поскольку невозможность продвижения по социальной лестнице воспринимается как собственная несостоятельность и неудача или провал. Такое представление артикулируется в различных публичных дискурсах и дискуссиях, когда бедность описывается в качестве постыдной, общество возлагает ответственность за положение бедных на них самих, не учитывая социальных условий, ведущих к бедности (Теодорович 2009; Ярская-Смирнова 2010; Чудова 2010; Поспелова 2009).

Предметом заключительной части статьи будет связь между стыдом и бедностью в рамках социальной политики, исследование которой имеет не только социально-практическое значение, но представляется существенным для решения проблем социальной сплоченности/разобщенности и социальной инклюзии/экслюзии, характеризующих положение бедных и их отношения с другими социальными слоями.

Психодинамика стыда в контексте социологии эмоций

В социологии чувство стыда рассматривалось как эмоция, играющая важнейшую роль в межличностных взаимодействиях и участвующая

в формировании индивидуальности (см. Scheff 2000; Stets, Turner 2006; Stets, Carter 2012). Косвенно чувство стыда описывалось в концепциях ре-сентимента (Мертон 2006; Barbalet 1999; Kemper 1978; Marshall 1973a, Marshall 1973b) и в трудах, посвященных рабочему классу (Sennett, Cobb 1972; Willis 1977). Эмоции обладают макросоциологическим измерением, локализуются одновременно в индивидах и социальных структурах и формируют основу для действий людей и групп. Чувство стыда может становиться коллективным опытом, присутствующим в повседневной жизни, но при этом в современных обществах стыд не всегда осознается и скрывается (Scheff 2014).

В социологии эмоций стыд определяется в терминах социальной связанности и показывает состояние этой связи, т.е. «эмоциональный аспект нарушения контакта между людьми» (Scheff, Retzinger 1991: 66). Для его переживания требуется присутствие другого человека или группы, даже воображаемого (в качестве свидетелей определенного поведения). Стыд подразумевает усвоение моральных кодов культуры и понимание отклонений от определенных ценностно-нормативных стандартов, его основная функция сигнализировать о выходе за пределы норм (Stets, Turner 2006), в этом смысле стыд считается моральной эмоцией.

Социологи классического периода интересовались этой эмоцией, считая, что она лежит в основе социального порядка, о чем заявляли Гер-орг Зиммель, Чарльз Кули, а затем Норберт Элиас, Хелен Линд, Эр-вин Гоффман, Ричард Сеннет и другие (Зиммель 1996; Кули 2005; Lynd 1958; Goffman 1967; Sennett, Cobb 1972; Elias 1978). В социальных и гуманитарных науках чувство стыда рассматривается вместе с чувством вины и страхом – эмоциями, которые являются частью социального контроля (Stets, Turner 2006). Одни авторы различают чувства стыда и вины по их последствиям, утверждая, что вина менее болезненна и способствует коррекции поведения, поскольку характеризует скорее поступок, а не «Я» индивида (см., например, Tangney, Dearing 2002). С другой точки зрения, у стыда есть также интегративные функции, поскольку стыд делает нас чувствительными к оценкам других, указывает границы допустимого и недопустимого, способствует действиям в групповых интересах (см.: Turner, Stets 2005). Стыд может содействовать социальной солидарности и социальной сплоченности или разрушать социальные связи, усиливать социальную изоляцию и эксклюзию.

Концепция «зеркального Я» Кули предполагает переживание чувств гордости и стыда, которые являются следствием осознания индивидом того, как оценивают его другие (Кули 2005). Шефф полагает, дихотомия гордости/стыда характеризует любое межличностное взаимодействие, тем самым индивид интегрируется в социальный порядок, при этом гордость здесь понимается как указывающая на человеческое достоинство и укрепляющая социальные связи (Scheff 2003: 243).

По Э. Гоффману, сами индивиды рассматривают стыд и смущение как нормальную часть повседневного порядка взаимодействия, где даже простое ожидание стыда мобилизует (Goffman 1967: 109). Основываясь на концепциях Кули, Линд и Гоффмана, а также психоаналитика Хелен Льюис (Lewis 1971), Шефф подчеркивает, что чувство стыда в социальных взаимодействиях присутствует постоянно и проявляется в разных формах. Под стыдом он подразумевает спектр эмоций: смущение, унижение, робость, ощущение провала, неадекватности, неполноценности, которые маркируют его в телесных жестах и кодовых словах (Retzinger 1991, 1995; Scheff 2003; 2011), позволяя распознавать в разных ситуациях и контекстах.

Следуя идее Льюис, Шефф различает два вида стыда: первый – открытый недифференцированный стыд (*overt, undifferentiated shame*), осознаваемое и болезненное чувство, второй – стыд избегаемый (*bypassed shame*), когда человек как будто не испытывает и не признает боли, то есть пытается внутренне защититься от переживания. Согласно Льюис, последний подавляется и это способствует его возобновлению, повышая интенсивность и длительность (Lewis 1971: 121). Это своеобразная «ловушка для чувств» (*feeling trap*): сначала человек стыдится и смущается, но, защищаясь от психологической боли и дискомфорта, маскирует стыд, как правило, гневом, а затем вновь стыдится уже своего гнева. Если стыд признается, индивиды имеют возможность перестроить свои отношения с другими и сохранить солидарность в группе, тем самым восстанавливая собственную гордость и достоинство (Scheff 2000). Однако непризнанное чувство стыда может вести к молчанию, пассивности, уходу из ситуации взаимодействия, депрессии, а также к вспышкам гнева и агрессии. Такой вид стыда может испытываться довольно долго и иметь неблагоприятные последствия, поскольку социальное окружение постоянно способствует его возобновлению.

Современные общества характеризуются превалированием индивидуализма над солидарностью (см. например, Bell 1976; Bauman 1995). Индивидуализм как идеология порождает тенденцию к сокрытию и подавлению стыда, позволяя тем самым поддерживать статус-кво самодостаточного индивида (Hookway 2013). Однако стыд имеет смысл рассматривать в его коллективных аспектах, в связи с классовой, гендерной, этнической и расовой принадлежностью. Психодинамика стыда вплетается в общие структуры неравенства, поддерживая существующий социальный порядок.

Социология стыда, ресентимент и бедность

Для социологии важно «концептуализировать релевантные социальному классу эмоции на уровне структуры социальных отношений» (Garbalet 1999: 67). Эмоции рассматриваются как связующее звено между микро- и макроуровнями социальных отношений в рамках социально-структурных теорий эмоций (см., к примеру, Kemper 1978, 1990; Thamm 2004;

Turner, Stets 2005). Тем не менее связь между стыдом и бедностью недостаточно исследовалась в социологии, внимание к ресентименту инициировало новое направление исследований. Согласно Джеку Барбалету, социальная причина ресентимента – это отсутствие возможностей или ценных ресурсов, которые есть у других, а эмоциональное следствие оценки собственного положения по сравнению с другими часто включает неясно осознаваемое чувство стыда (Barbalet 1999: 68, 99–100).

Томас Хэмфри Маршалл обратил внимание, на то, что социальные причины возникновения ресентимента, который при определенных условиях ведет к классовому конфликту, коренятся в трех взаимосвязанных процессах современных классовых обществ: сравнения, фрустрации и угнетения (Marshall 1973a). Следовательно, ресентимент включает эмоциональные и когнитивные компоненты стыда – сравнение и фрустрацию, ведущие к низкой самооценке бедных и восприятию определенных оценок других людей. Маршалл отмечал, что все эти процессы были смягчены посредством развития общества потребления, права, гражданства, структурных изменений в экономике (Marshall 1973b: 137). Однако современная классовая идеология подразумевает, что люди из социальных низов должны конкурировать на тех же условиях, что и представители других классов, а это повышает вероятность переживания неудачи или «структурного унижения», а также делает переживание стыда хроническим (Sayer 2005: 153, 161).

Ричард Сеннет и Джонатан Кобб писали об эмоциональном опыте рабочего класса как о его «скрытых ранах». Эта работа основана на результатах включенного наблюдения в школе, клубах и барах, а также на данных 150 интервью с мужчинами из Бостона – представителями рабочего класса, по преимуществу иммигрантами (Sennett, Cobb 1972). Они сочли моральные травмы рабочих следствием отсутствия уважения к ним со стороны учителей, руководителей, членов собственной семьи. В этой ситуации возникает стыд и дефицит гордости, обусловленные классовой структурой, но имеющие своим следствием не классовый конфликт и противостояние, а самоизоляцию и пассивность, которую Шефф интерпретирует в терминах социологии эмоций: рабочие испытывают хроническое чувство стыда в открытой и скрытой форме в условиях американской культуры (Scheff 2003: 257).

На основе контент-анализа трех текстов – «Скрытые раны рабочего класса» Сеннета и Кобба, «Приучение к труду» Уиллиса (Willis 1977) и «Теории праздного класса» Веблена (Veblen 1953) Шефф показывает эмоциональный аспект воспроизводства социальных классов: продуцирование гордости в высших классах и стыда в низших классах (Scheff 2002). Главным предположением Шеффа был тезис о том, что мужчины рабочего класса участвуют в воспроизводстве своего классового положения, так как они, помимо прочего, стыдятся, но не могут осознать и признать свой стыд.

Шефф использует систему кодов обнаружения стыда Сьюзен Ретцингер и показывает, что в первом тексте (Сеннета и Кобба) преобладают слова и выражения, связанные со стыдом, молчанием, пассивностью, во втором (Уиллиса) – стыдом и агрессией, гневом и гордыней, а в третьем – меньше всего выражений, связанных со стыдом, поскольку Веблен описывает высшие классы. Шефф оговаривается, что система кодирования требует совершенствования, но считает, что хронический стыд характерен в основном для низших классов и является обыденным опытом дома, в школе, на работе. Стыд здесь способствует воспроизводству неравенства через пассивность, самообвинения и молчание и может переродиться в негодование, ярость, немотивированную агрессию, но не в публичном мире, а в мире приватном. Именно обстоятельства, классовая система, определяют индивидуальные чувства, в ней рабочие находят стыд, сомнение в собственных силах, вину. Главным выходом из этой ситуации, по мнению Шеффа, могут стать социальные и психологические инициативы по восстановлению гордости и достоинства через активное участие в жизни общества или социальную инклюзию (Scheff 2002).

Таким образом, культура капиталистических обществ обуславливает представления, которые способствуют определенным формам resentment, возникающего на основе социальных сравнений и содержащего постоянное чувство стыда, которое по-разному проявляется у бедных людей (маскируясь вспышками гнева или подавленности), что может способствовать формированию неблагоприятного образа бедных. Следствием может быть криминализация бедных, убеждение в их пассивности в политическом и гражданском смысле и в том, что беднейшие слои сами виноваты в своем положении. Эти убеждения просачиваются в средства массовой информации и могут играть роль «самосбывающихся» пророчеств.

В настоящее время проводятся социологические исследования стыда в связи с классовым положением индивидов. Э. Чейз и Р. Уокер на основе анализа глубинного интервью с людьми, живущими в бедности, показали, что совместное конструирование стыда становится важным условием поведения людей: стыд и связанные с ним переживания оказались главными в рассказах респондентов о своей жизни (Chase, Walker 2013). Разговорные выражения, невербальные сигналы, относящиеся к чувству стыда, использовались ими при описаниях того, как СМИ и люди с высоким социально-экономическим статусом генерируют у них чувство ничтожности (Chase, Walker 2013: 743–744). Исследователи применили на практике теорию Шеффа, рассмотрев стыд как феномен, сочетающий в себе суждения о собственной несостоятельности, ее ожидаемые оценки и чувства униженности, ничтожности, депрессии, опустошенности и смущения вследствие своих неудач. Таким образом, современные классовые системы воспроизводятся, в том числе, и благодаря поддержанию определенного уровня стыда среди людей, живущих в бедности.

**«Бедность как порок»:
последствия для социальной политики**

Современные социологи изучают стыд как часть депривации бедных в разных институциональных контекстах и, в частности, в контексте социальной политики (Lister 2004; Chase, Walker 2013; Jo 2013; Gore, Figueiredo 1997; Katz 1989; Fernqvist 2013; Handler, Hasenfeld 1997; Crowley 2014; Bissell et al. 2014). Бедность рассматривается не только как экономическая незащищенность, для нее также характерны стыд, унижение, отсутствие уважения, низкая самооценка (см.: Narayan et al. 2000). Вновь актуализируется мысль Адама Смита – «Бедный – это тот, кто стыдится на публике» (Sen 1983; Lister 2004; Alkire 2003). Авторы показывают, что стыд связан с социальной эксклюзией, формирует социальные барьеры, снижает участие в коллективной жизни и ведет к социальной маргинализации (Sen 1983; Barry 2002). Стыд порождается презрением со стороны других, воображаемых или реальных, поэтому источник и уровень стыда предопределен через социально-культурные нормы и публичные дискурсы (Jo 2013; Lister 2004; Gore, Figueiredo 1997). Таким образом, переживание стыда ведет к закреплению социального расслоения, которое, в свою очередь, обуславливает разобщенность, препятствует социальной сплоченности внутри бедных слоев населения и между бедными и небедными слоями. Когда мериллом успешности выступают достижения, доступные обеспеченным классам, культивируется стыд бедных, неуспеха и провала, в том числе в СМИ. Некоторые авторы указывают на традиционные формы сплоченности (семья, соседи) как стратегию совладания с бедностью, но и они оказываются под вопросом в современных обществах (Чуева 2012; Ярошенко 2010).

На сегодняшний момент одним из подходов в изучении бедности является использование анализа дискурсов, распространенных в обществе, в противовес ценностному подходу (Vaisey 2010). Доминирующие дискурсы формируют определенные образы различных социальных групп, что позволяет выяснить отношение к бедным как среди самих бедных, так и со стороны других, критически взглянуть на так называемую культуру бедности. Бедность и неравенство описываются как эффекты давления доминирующих дискурсов, в которых одну из центральных ролей играет чувство стыда и «практики пристыживания».

В публичных дискурсах, источниками которых являются социальные институты, прежде всего государство и медиа, стыд описывается как неизбежный атрибут бедности посредством репрезентаций и стереотипных выражений в отношении бедных людей, описываемых как «иждивенцы», «бездельники», «тунеядцы, живущие на пособия» и виновные в своих бедах (Lister 2004: 113; Jo 2013: 520). Подобные репрезентации способствуют социальной эксклюзии и могут провоцировать презрение и классовую ненависть

(Jo 2013: 523), а если к статусу бедности еще добавляются другие структурные переменные – статус безработного, мигранта, матери-одиночки, «пристыживание» может наносить еще больший вред самооценке малообеспеченных людей, усугублять их социальную уязвимость и углублять разобщенность в социуме. Публичные дискурсы порождают стыд в повседневных взаимодействиях бедных в различных институциональных контекстах, а также при встречах с теми, кто профессионально «занимается бедностью» – с госчиновниками, учеными, специалистами по социальной работе, социальными работниками, представителями правовых органов. Такие дискурсы служат рабочим механизмом формирования источника и уровня испытываемого стыда у людей, живущих в бедности. Кроме того, для людей с высоким статусом становится нормой дистанцирование от бедных, использование «стыдящего» языка, практики «конструирования другого» (*othering*) (Lister 2004: 113; Jo 2013: 521). Социальные дистанции между индивидами являются основанием для переживания стыда, что, в свою очередь, поддерживает эти дистанции. Отметим, что мы далеки от того, чтобы так описывать всю ситуацию в отношении бедных. Безусловно, в современных обществах существуют мероприятия для бедных, которые не способствуют стыду и общей уязвимости морального характера (социальная защита, творческие конкурсы, стипендии, льготные кредиты, благотворительность и др.), однако, и здесь можно обнаружить маркеры дистанцирования (Ярская-Смирнова 2010).

Элейн Чейз и Роберт Уокер засвидетельствовали, что повседневные социальные контакты вызывают болезненное чувство стыда у бедных, ведь задолженности банкам, социальным фондам, кредитным компаниям порождают новый источник стыда. Встречи с чиновниками описывались как разочаровывающие (Chase, Walker 2013: 745–746), респонденты ощущали дегуманизирующее влияние СМИ, широкой общественности, политиков и органов социального обеспечения, которые судят о них однотипно как о «попрошайках», «паразитах» и даже преступниках. Все это можно назвать позором и презрением, которые оперируют как моральный инструмент, вызывающий чувство неполноценности и подрывающий чувства гордости, самоуважения и уверенности в себе.

Доминирующие дискурсы в отношении бедности поглощаются политическими идеологиями, например, неолиберализмом (см.: Bissell et al. 2014) и используются для формирования социальной политики, в дальнейшем приводящей к сокращению пособий, что, в свою очередь, усиливает стыд и связанные с ним чувства. Респонденты Чейза и Уокера описывали органы социального обеспечения как «карающие» (Chase, Walker 2013: 746). Социологи отметили, что стремление бедных сохранить гордость становилось причиной отказа от помощи вне зависимости от того, как они попали в это затруднительное положение. Была очевидна потребность морально противостоять социально сконструированному стереотипному «другому» – без-

заботному получателю пособий, не желающему работать, «порочному другому» (Chase, Walker 2013: 747–751). Просьбы о социальной помощи становятся эмоционально трудными, полными смущения, стыда и вины. В свою очередь, и социальные работники могут способствовать переживанию стыда у бедных, так как они изучают обстоятельства их жизни для того, чтобы оформить получение помощи (Jo 2013: 525). Таким образом, институты социальной политики создают и определяют дискурс в отношении бедных, что имеет последствием ограничение доступа к ресурсам (Munt 2007; Schram 1995), усиливая уровень стыда у людей, живущих в бедности, акцентируя их положение, увеличивая и сохраняя бедность. Те же процессы отмечаются и в России:

Отказ многих бедных признавать себя таковыми является своего рода асимметричным ответом на складывающийся в обществе образ бедных и свидетельствует о том, что постепенно в России быть бедным становится стыдно. В итоге многие реально бедные не готовы принять на себя подобную социальную роль, даже теряя при этом право на разного рода льготы и выплаты, им полагающиеся (Бедность и неравенства... 2013: 158).

Некоторые специалисты убеждены в том, что осознание эмоционального опыта стыда позволит установить эмпатию между разными людьми, деконструировать «отчуждающие» (*othering*) дискурсы и практики (Jo 2013: 516). Основной задачей социальной политики в связи с этим является охрана достоинства людей, живущих в бедности, и учет этого при выработке программ, направленных против бедности. Это согласуется с точкой зрения Т. Шеффа, который считает, что необходимо «работать» над восстановлением и укреплением гордости тех, кто находится в низших слоях общества, формируя возможности для их участия в коллективной жизни (Scheff 2002: 263).

Это важно для построения стратегии социально-политических программ, в которых необходимо учитывать способы включения бедных людей в социальную, политическую и культурную жизнь общества, где они могли бы почерпнуть возможности для противодействия разрушительным свойствам стыда, порождаемым доминирующими дискурсами. Кроме того, ученые, специально исследовавшие связь между неравенством и стыдом, продемонстрировали другой способ дестигматизации и ослабления стыда (Bissell et al. 2014) – это «проведение групповых границ», или создание «образа коллективности» или групповой идентичности. Позитивный образ помогает людям защищать свое место в мире от символического насилия, которое запускает социальное неравенство (см. Reynolds, Brady 2012; Walkerdine, Jimenez 2010). Хотя такие сообщества могут переродиться в замкнутые группы, они остаются важным источником для сопротивления дискурсам и отношениям, порождающим и поддерживающим хроническое чувство стыда.

Заключение

Бедность становится постыдной изнутри и извне через современные доминирующие дискурсы, психологически и институционально, и не только в западноевропейских обществах. Безусловно, материальные, внешние показатели бедности играют важную роль, а вместе с ценностями современного рыночного общества они порождают убеждение, согласно которому сам человек несет бремя ответственности и вину за свое положение, что ведет к хроническому чувству стыда. Стыд, являющийся динамичным и циклическим процессом, не дает возможности бедным сохранять свою гордость и достоинство. Переживания, связанные со стыдом, могут служить базисом для социальной эксклюзии и изоляции. Так формируются и поддерживаются дистанции по отношению к бедным, закрепляется социальное неравенство. Можно сказать, что эмоциональный режим бедности – это повседневный стыд в разных формах, который поддерживается также в публичных дискурсах, и что особенно важно, определенным образом порождается в рамках социальной политики. Важно понимать необходимость построения альтернативных дискурсов в отношении бедности и формирования способов ослабления негативных последствий стыда не только посредством улучшения материально-экономического положения бедных людей, но и посредством их активного включения в культурную и политическую жизнь общества, чему в значительной мере могли бы способствовать конструктивные социально-политические программы.

Выражения признательности

В публикации использованы результаты исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14–18–03784.

Список источников

Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад // Институт социологии. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. Москва, 2013 // http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html (дата обращения: 12.10.2014).

Зиммель Г. *Мода* // Избранное. Т. 2 М.: Юрист, 1996: 266–291.

Кули Ч. *Человеческая природа и социальный порядок*. М.: Идея-Пресс, 2005.

Мертон Р. *Социальная структура и аномия* // Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006: 243–281.

Поспелова Е. А. «Дискурс бедности» как коммуникативная технология в современном политическом процессе России. *Автореферат дис. кандидата политических наук*. Нижний Новгород, 2009.

Теодорович М. Л. Проблемы бедности в средствах массовой информации: современный аспект // *Вестник Волгоградского гос. университета*. Сер. 7. Филос. 2009. 1 (9): 131–138.

- Чудова И. Речевые маркеры бедности/обеспеченности в дискурсе села // *Современный дискурс-анализ*. 2010. 2 (2): 4–24.
- Чуева Е. В. Экономические тактики повседневного выживания в условиях бедности // *Социологические исследования*. 2012. (4): 88–97.
- Ярошенко С. «Новая бедность» в России после социализма // *Laboratorium*. 2010. (2): 221–251.
- Ярская-Смирнова Е. Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // *Женщина в российском обществе*. 2010. (2): 14–25.
- Alkire S. *Valuing Freedoms: Sen's Capability Approach and Poverty Reduction*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.
- Barbalet J. M. *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach*. Cambridge, 1999.
- Barry B. Social Exclusion, Social Isolation, and the Distribution of Income // J. Hills, J. Le Grand, D. Piachaud (eds.) *Understanding social Exclusion*. Oxford, 2002: 13–29.
- Bauman Z. *Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality*. Cambridge: Polity, 1995.
- Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N.Y.: Basic Books, 1976.
- Bissell P. et al. Shaming Encounters: Reflections on Contemporary Understandings of Social Inequality and Health Sociology // *Sociology*. 2014. 48 (2): 1–16.
- Chase E., Walker R. The Co-construction of Shame in the Context of Poverty: Beyond a Threat to the Social Bond // *Sociology*. 2013. 47 (4): 739–754.
- Crowley M. Class, Control, and Relational Indignity: Labor Process Foundations for Workplace Humiliation, Conflict, and Shame // *American Behavioral Scientist*. 2014. 58 (3): 416–434.
- Elias N. *The Civilizing Process*. N.Y.: Pantheon, 1978.
- Fernqvist S. Joining in on Different Terms – Dealing with Poverty in School and Among "Peers" // *Young*. 2013. 21 (2): 155–171.
- Goffman E. Embarrassment and Social Organization // *Interaction ritual*. N.Y.: Anchor, 1967: 97–112.
- Gore C., Figueiredo J. (eds.) *Social Exclusion and Anti-Poverty Policy: A Debate*. Geneva: International Institute for Labour Studies, 1997.
- Handler J., Hasenfeld Y. *We the Poor People: Work, Poverty, and Welfare*. New Haven: Yale Univ. Press, 1997.
- Hookway N. Emotions, Body and Self: Critiquing Moral Decline Sociology // *Sociology*. 2013. 47 (4): 841–857.
- Jo N. Y. Psycho-Social Dimensions of Poverty: When Poverty Becomes Shameful // *Critical Social Policy*. 2013. 33 (3): 514–531.
- Katz M. B. *The undeserving poor: From the war on poverty to the war on welfare*. N. Y.: Pantheon Books, 1989.
- Kemper Th. D. Predicting Emotions from Social Relations // *Social Psychology Quarterly*. 1991. 54: 330–342.
- Lewis H. B. *Shame and Guilt in Neurosis*. N.Y.: International univ. press, 1971.
- Lister R. *Poverty*. Cambridge: Polity Press, 2004.
- Lynd H. M. *On Shame and the Search for Identity*. N.Y.: Science editions, 1958.
- Marshall T. H. The Nature of Class Conflict // *Class, Citizenship and Social Development*. Westport: Greenwood Press, 1973a: 164–173.
- Marshall T. H. Changes in Social Stratification in the Twentieth Century // *Class, Citizenship and Social Development*. Westport: Greenwood Press, 1973b: 123–143.
- Munt S. R. *Queer Attachment: The Cultural Politics of Shame*. Aldershot: Ashgate, 2007.

- Narayan D. et al. *Voices of the Poor: Can Anyone Hear Us?* Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Retzinger S.M. Resentment and Laughter: Video Studies of the Shame-Rage Spiral // H.B. Lewis (ed.) *The Role of Shame in Symptom Formation*. Hillsdale: Erlbaum, 1987: 151–181.
- Retzinger S.M. *Violent Emotions*. Newbury Park: Sage, 1991.
- Retzinger S.M. Identifying Anger and Shame in Discourse // *American Behavioral Scientist*. 1995. 38 (8): 1104–1113.
- Reynolds M., Brady D. Bringing You More than the Weekend: Union Membership and Self-Rated Health in the United States // *Social Forces*. 2012. 90 (3): 1023–1049.
- Sayer A. *The Moral Significance of Class*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Scheff T.J. The Shame-Rage Spiral: a Case Study of Interminable Quarrel // H.B. Lewis (ed.) *The Role of Shame in Symptom Formation*. Hillsdale: Erlbaum, 1987: 109–149.
- Scheff T.J. *Microsociology*. Chicago: Univ. of Chicago press, 1990.
- Scheff T.J., Retzinger S.M. *Violence and Emotions: Shame and Rage in Destructive Conflicts*. Lexington: Lexington books, 1991.
- Scheff T.J. Shame and the Social Bond: a Sociological Theory // *Sociological Theory*. 2000. 18 (1): 92–112.
- Scheff T.J. Working Class Emotions and Relationships: Secondary Analysis of Sennett, Cobb and Willis // B. Phillips, H. Kincaid, T.J. Scheff (eds.) *Toward a Sociological Imagination: Bridging Specialized Fields*. Lanham: Univ. press of America, 2002: 263–292.
- Scheff T.J. Shame in Self and Society // *Symbolic Interaction*. 2003. 26 (2): 239–262.
- Scheff T.J. The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity // *Cultural Sociology*. 2014. 8 (2): 129–141.
- Schram S.F. *Words of Welfare: The Poverty of Social Science and the Social Science of Poverty*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1995.
- Sen A. Poor, Relatively Speaking // *Oxford Economic Papers*. 1983. 35 (2): 153–169.
- Sennett R., Cobb J. *The Hidden Injuries of Class*. N.Y.: Vintage books, 1972.
- Stets J.E., Turner J.H. (eds.) *Handbook of the Sociology of Emotions*. N.Y.: Springer, 2006.
- Stets J.E., Carter M.J. A Theory of the Self for the Sociology of Morality // *American Sociological rev.* 2012. 7 (1): 120–140.
- Tangney J.P., Dearing R.L. *Shame and Guilt*. N.Y.: Guilford, 2002.
- Thamm R. Towards a Universal Power and Status Theory of Emotion // J.H. Turner (ed.) *Theory and Research on Human Emotions*. Bingley: Emerald, 2004: 189–222.
- Turner J.H., Stets J.E. *The Sociology of Emotions*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2005.
- Vaisey S. What People Want: Rethinking Poverty, Culture, and Educational Attainment // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2010. 629 (1): 75–101.
- Veblen T. *The Theory of the Leisure Class*. N. Y.: Mentor, 1953.
- Walkerdine V., Jimenez L. A Psychosocial Approach to Shame, Embarrassment and Melancholia Amongst Unemployed Young Men and Their Fathers // *Gender and Education*. 2010. 23 (2): 185–199.
- Willis P. *Learning to Labor*. N. Y.: Columbia University Press, 1977.

THE SOCIOLOGY OF SHAME AND THE RESEARCH OF POVERTY: THE CONSEQUENCES FOR THE SOCIAL POLICY

Olga Simonova

The article is an essay about the sociological theories of shame, with a particular focus on the shame theory of T. Scheff, where the socio-psychological functions of shame are considered with regards to poor people. The main issue under consideration is that the understanding of the poverty-shame nexus and the study of the consequences of shame in the life experience of poor people entails such factors such as social exclusion and isolation and the weakening and rupture of social connections and cohesion. On the basis of ideas about shame psychodynamics and the social construction of the shame-poverty nexus, the author attempts to describe the future prospects in the development of social policy directed toward poverty. Alongside material indicators of poverty, psychosocial indicators also play an important and continued role. This is due to the fact that the values of a market society generate the conviction that poor people themselves are responsible and guilty for their social position. This, in turn, can lead to chronic levels of shame. The consequences of this shame can be witnessed in the different types of social exclusion. Thus the emotional regime of poverty is everyday shame in various forms, which is supported in public discourses including the that of social policy. The author demonstrates that it is necessary to resist these discourses in order to diminish the negative consequences of shame and to influence the development of social policy and anti-poverty programs.

Key words: poverty, the sociology of shame, resentment, social policy, social construction of poverty and poor people, social exclusion/inclusion.

References

- Alkire S. (2002) *Valuing Freedoms: Sen's Capability Approach and Poverty Reduction*, Oxford: Oxford Univ. Press.
- Barbalet J. M. (1999) *Emotion, Social Theory and Social Structure: a Macrosociological Approach*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Barry B. (2002) Social Exclusion, Social Isolation, and the Distribution of Income. Hills J., Le Grand J., Piachaud D. (eds). *Understanding Social Exclusion*, Oxford: Oxford University Press: 13–29.
- Bauman Z. (1995) *Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality*, Cambridge: Polity.
- Bednost' i neravenstva v sovremennoy Rossii: 10 let spustya. Analiticheskiy doklad (2013) [Poverty and Inequalities in Modern Russia: 10 Years Afterwards]. Available at: http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html (accessed 12 October 2014).
- Bell D. (1976) *The Cultural Contradictions of Capitalism*, New York: Basic Books.

Olga A. Simonova – Candidate of Sociology, Associate Professor of Sociology Department, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. E-mail: osimonova@hse.ru

- Bissell P. et al. (2014) Shaming Encounters: Reflections on Contemporary Understandings of Social Inequality and Health Sociology. *Sociology*, 48 (2): 1–16.
- Chase E., Walker R. (2013) The Co-Construction of Shame in the Context of Poverty: Beyond a Threat to the Social Bond. *Sociology*, 47 (4): 739–754.
- Chueva E. V. (2012) Ekonomicheskie taktiki povsednevnogo vyzhivaniya v usloviyakh bednosti [Economic Tactics of Everyday Survival in the Context of Poverty]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (4): 88–97.
- Chudova I. (2010) Rechevye markery bednosti/obespechennosti v diskurse sela [Verbal Markers of Poverty/Prosperity in the Discourse of Rural Areas]. *Sovremennyy diskurs-analiz* [Modern Discourse Analysis], 2 (2): 4–24
- Crowley M. (2014) Class, Control, and Relational Indignity: Labor Process Foundations for Workplace Humiliation, Conflict, and Shame. *American Behavioral Scientist*, 58 (3): 416–434.
- Elias N. (1978) *The Civilizing Process*, New York: Pantheon.
- Fernqvist S. (2013) Joining in on Different Terms – Dealing with Poverty in School and Among "Peers". *Young*, 21 (2): 155–171.
- Goffman E. (1967) Embarrassment and Social Organization. Goffman E. (ed.) *Interaction Ritual*, New York: Anchor: 97–112.
- Gore C., Figueiredo J. (eds.) (1997) *Social Exclusion and Anti-Poverty Policy: a Debate*, Geneva: International Institute for Labour Studies.
- Handler J., Hasenfeld Y. (1997) *We the Poor People: Work, Poverty, and Welfare*, New Haven: Yale University Press.
- Hookway N. (2013) Emotions, Body and Self: Critiquing Moral Decline Sociology. *Sociology*, 47 (4): 841–857.
- Jo N. Y. (2013) Psycho-Social Dimensions of Poverty: When Poverty Becomes Shameful. *Critical Social Policy*, 33 (3): 514–531.
- Katz M. B. (1989) *The Undeserving Poor: From the War on Poverty to the War on Welfare*, New York: Pantheon Books.
- Kemper Th. D. (1991) Predicting Emotions from Social Relations. *Social Psychology Quarterly*, 54: 330–342.
- Kuli Ch. (2005) *Chelovecheskaya priroda i sotsial'nyy poryadok* [Human Nature and Social Order], Moscow: Ideya-Press.
- Lewis H. B. (1971) *Shame and Guilt in Neurosis*, New York: International University Press.
- Lister R. (2004) *Poverty*, Cambridge: Polity Press.
- Lynd H. M. (1958) *On Shame and the Search for Identity*, New York: Science editions.
- Marshall T. H. (1973a) The Nature of Class Conflict. Marshall T. H. (ed.) *Class, Citizenship and Social Development*, Westport: Greenwood Press: 164–173.
- Marshall T. H. (1973b) Changes in Social Stratification in the Twentieth Century. Marshall T. H. *Class, Citizenship and Social Development*, Westport: Greenwood Press: 123–143.
- Merton R. (2006) Sotsial'naya struktura i anomiya [The Social Structure and Anomia]. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure], Moscow: AST: 243–281.
- Munt S. R. (2007) *Queer Attachment: the Cultural Politics of Shame*, Aldershot: Ashgate.

- Narayan D et al. (2000) *Voices of the Poor: Can Anyone Hear Us?* Oxford: Oxford University Press.
- Pospelova E. A. (2009) "Diskurs bednosti" kak komunikativnaya tekhnologiya v sovremennom politicheskom protsesse Rossii. Avtoreferat dis. kandidata politicheskikh nauk ["Discourse of Poverty" as a Technology of Modern Political Process in Russia. PhD Dissertation]. Nizhniy Novgorod.
- Retzinger S. M. (1987) Resentment and Laughter: Video Studies of the Shame-Rage Spiral. Lewis H. B. (ed.) *The Role of Shame in Symptom Formation*, Hillsdale: Erlbaum: 151–181.
- Retzinger S. M. (1991) *Violent Emotions*, Newbury Park: Sage.
- Retzinger S. M. (1995) Identifying Anger and Shame in Discourse. *American Behavioral Scientist*, 38 (8): 1104–1113.
- Reynolds M., Brady D. (2012) Bringing You More than the Weekend: Union Membership and Self-Rated Health in the United States. *Social Forces*, 90 (3): 1023–1049.
- Sayer A. (2005) *The Moral Significance of Class*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Scheff T. J. (1987) The Shame-Rage Spiral: a Case Study of Interminable Quarrel. Lewis H. B. (ed.) *The Role of Shame in Symptom Formation*, Hillsdale: Erlbaum: 109–149.
- Scheff T. J. (1990) *Microsociology*, Chicago: University of Chicago Press.
- Scheff T. J., Retzinger S. M. (1991) *Violence and Emotions: Shame and Rage in Destructive Conflicts*, Lexington: Lexington books.
- Scheff T. J. (2000) Shame and the Social Bond: a Sociological Theory. *Sociological Theory*, 18 (1): 92–112.
- Scheff T. J. (2002) Working Class Emotions and Relationships: Secondary Analysis of Sennett, Cobb and Willis. Phillips B., Kincaid H., Scheff T. J. (eds.) *Toward a Sociological Imagination: Bridging Specialized Fields*, Lanham: University Press of America: 263–292.
- Scheff T. J. (2003) Shame in Self and Society. *Symbolic Interaction*, 26 (2): 239–262.
- Scheff T. J. (2014) The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity. *Cultural Sociology*, 8 (2): 129–141.
- Schram S. F. (1995) *Words of Welfare: the Poverty of Social Science and the Social Science of Poverty*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Sen A. (1983) Poor, Relatively Speaking. *Oxford Economic Papers*, 35 (2): 153–169.
- Sennett R., Cobb J. (1972) *The Hidden Injuries of Class*, New York: Vintage books.
- Stets J. E., Turner J. H. (eds.) (2006) *Handbook of the Sociology of Emotions*, New York: Springer.
- Stets J. E., Carter M. J. (2012) A Theory of the Self for the Sociology of Morality. *American Sociological Review*, 7 (1): 120–140.
- Tangney J. P., Dearing R. L. (2002) *Shame and Guilt*, New York: Guilford.
- Teodorovich M. L. (2009) Problemy bednosti v sredstvakh massovoy informatsii: sovremennyy aspekt [The Problems of Poverty in the Mass Media: Contemporary Issues] *Vestnik volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filosofiya [Volgograd State University Review. Philosophy], 1 (9): 131–138.
- Thamm R. (2004) Towards a Universal Power and Status Theory of Emotion. J. H. Turner (ed.) *Theory and Research on Human Emotions*, Bingley: Emerald: 189–222.

- Turner J.H., Stets J.E. (2005) *The Sociology of Emotions*, Cambridge: Cambridge University Press
- Vaisey S. (2010) What People Want: Rethinking Poverty, Culture, and Educational Attainment. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 629 (1): 75–101.
- Veblen T. (1953) *The Theory of the Leisure Class*, New York: Mentor.
- Walkerdine V., Jimenez L. (2010) A Psychosocial Approach to Shame, Embarrassment and Melancholia Amongst Unemployed Young men and their Fathers. *Gender and Education*, 23 (2): 185–199.
- Willis P. (1977) *Learning to Labor*, New York: Columbia University Press.
- Yaroshenko S. (2010) "Novaya bednost'" v Rossii posle sotsializma. ["New poverty" in Russia After Socialism]. *Laboratorium*, (2): 221–251.
- Yarskaya-Smirnova E. R. (2010) "Da-da, ya vas pomnyu, vy zhe u nas neblagopoluchnaya sem'ya!" Diskursivnoe oformlenie sovremennoy rossiyskoy semeynoy politiki. ["Oh, yes! I Remember You, You are from a Dysfunctional Family!" The Discursive Design of Contemporary Russian Family Policy]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Women in Russian society], (2): 14–25.
- Zimmel' G. (1996) *Moda* [Fashion]. Zimmel' G. *Izbrannoe*, Moscow: Yurist., 2: 266–291.